

**E. Giddens's strukturation theory and theory of “gabitus” P. Bourdieu: comparative analysis
Zhang Hai lun¹, Erohina L.², Erohin A.³**

**Теория структуризации Э. Гидденса и теория «габитуса» П. Бурдьё:
сравнительный анализ**

Чжэн Хай лунь¹, Ерохина Л. Д.², Ерохин А. К.³

¹Чжэн Хай лунь / Zhang Hai lun – аспирант;

²Ерохина Людмила Дмитриевна / Erokhina Liudmila - кандидат философских наук, профессор,
кафедра социальных наук,

Дальневосточный федеральный университет;

³Ерохин Алексей Константинович / Erokhin Aleksey - кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных дисциплин,

Тихоокеанский государственный медицинский университет, г. Владивосток

Аннотация: в статье анализируется теория структуризации Э. Гидденса как методологическая основа для исследования социальных структур. Рассматриваются принципы теории и ее основные элементы. Сравнивается теория Гидденса и теория габитуса П. Бурдьё, что позволяет найти взаимодополняемость понятий для изучения особенностей социальных структур в различных сферах общественной жизни.

Abstract: E. Giddens' strukturation theory as a methodological basis for research in the different areas is analyzed in the article. The principles of the theory and its basic elements are considered. Giddens's theory and the P. Bourdieu theory of gabitus are compared and target to find complementarity concepts for studying specific features of social structures in various spheres of public life.

Ключевые слова: социальная структура, социальные действия, социальная интеграция, системная интеграция.

Keywords: social structure, social actions, social integration, system integration.

УДК 331.108

Всеобъемлющая и инновационная теория структуризации Энтони Гидденса создана на основе понятия структуры как динамической категории (в отличие от ее традиционной статической трактовки). Создавая ее, Гидденс попытался преодолеть «заблуждения» своих предшественников Э. Дюркгейма и Т. Парсонса в объяснении условий существования социальных систем. Последние объясняли человеческие действия внешними социальными причинами (например, по Дюркгейму, та или иная структура общества является внешней по отношению к индивиду и принуждает его к определенному поведению). Гидденс идет дальше. Он признает влияние внешних структур на действия различных акторов, но в то же время обращает внимание на практику формирования ими индивидуальных структур. В книге «Устроение общества: Очерк теории структуризации» автор обсуждает теоретические аспекты создания и функционирования социальных систем через изучение социальных действий акторов, создающих структуру [5, с. 68].

Теория структуризации привлекает внимание исследователей своими методами исследования социальных практик [2; 6; 7; 13; 14], проблем взаимодействия внешних и внутренних элементов структуры [4; 8], идентичности [11]; социальной интеграции [12], влияния на современную социологию [13] и т. д.

Интерес исследователей понятен – Гидденс стремится показать богатые возможности структуризации, выходящие далеко за пределы традиционного использования применительно к определенным институционализированным явлениям (структура общества, классовая структура, социальная структура и т. д.).

Одна из таких возможностей – снятие противопоставления между макро- и микросоциологией, вводящее ученых в заблуждение относительно методов изучения социума. Анализ социальной жизни Гидденс предложил осуществлять через понимание действий и мотивов отдельных людей: «На наш взгляд, противостояние «микро» и «макро» следует переосмыслить с позиций того, каким образом взаимодействие в условиях взаимодействия «лицом к лицу» структурно встроено в систему обширных пространственно-временных институциональных образований – другими словами, как подобные системы охватывают крупные сектора пространства-времени. А это, в свою очередь, требует эффективнее исследовать как проблему взаимосвязи между социальной и системной интеграцией» [5, с. 6-7].

В племенных обществах, указывает Гидденс, социальная и системная интеграция неразделимы. Центральная ось структурных принципов его организации – связь традиций и родственных связей.

В обществе, разделенном на классы, системная и социальная интеграция дифференцируются путем разделения городских и сельских районов. Центральным пунктом структурного принципа общественного устройства является связь между городом и сельскими районами.

В современном капиталистическом обществе системная интеграция отделяется от социальной интеграции, «искусственная окружающая среда» замещает городские и сельские отношения. Структурным принципом, вокруг которого организуется общество, является государство и экономическая система, которые поддерживают и обслуживают друг друга, но, одновременно, и взаимоотчуждаются [5, с. 262-265].

У интеграции есть коннотация в методах взаимодействий (независимая и зависимая) между акторами или группой. Если говорить о социальном воспроизводстве, то оно означает микроуровень взаимодействия «лицом к лицу», в котором постоянно осуществляется преемственность привычек, действий, образцов и т. п.

Системное воспроизводство это другой уровень взаимодействия. Его сущность заключается в воспроизводстве отношений между субъектами действия и коллективами, организованные как регулярная социальная практика.

Социальные системы есть системы социального взаимодействия, существующие синтагматически в потоке времени. Это могут быть организации, партии, институты и т. п. Системы имеют структурные свойства, но сами по себе не являются структурами. Последние выступают как необходимые свойства систем или коллективов и характеризуются «отсутствием субъекта». Системное воспроизводство, выполняющее функции опосредования и трансформации, является предварительным механизмом перехода к механизмам социального воспроизводства.

Опосредование означает «наличное присутствие» действующих субъектов внутри социальной системы. Всякое социальное взаимодействие включает опосредование, поскольку всегда имеется «проводник» (институт, организация), который «несет» социальный взаимообмен сквозь пространственно-временные интервалы. Понятие трансформации подразумевает «трансформационный характер» всех социальных эмпирических контактов и ресурсов. Внутренней чертой человеческого действия, таким образом, является «трансформационная способность» [9].

Вторая возможность использования понятия структуры – характеристика самой структуры как порядка воспроизводства социальных практик во времени и пространстве. Социальные практики постоянно вовлекаются в производство и воспроизводство действия. Так, Гидденс приходит к выводу о самоорганизации общественных структур.

Поскольку сами социальные практики многообразны, постольку возникает проблема их упорядочивания в пространстве и во времени. Именно это и делают люди как социальные акторы, прибегая к структурам рефлексивной саморегуляции, правилам и ресурсам, рутинизации и регионализации.

Рефлексивная саморегуляция трактуется Гидденсом как «мониторинг течения социальной жизни», характерный для ежедневных действий и поступков, привычных для акторов; она включает не только индивидуальную регуляцию собственного поведения, но и ожидание такой же саморегуляции физических, психологических и других характеристик от других индивидов в аналогичных ситуациях. В сущностном понимании «рефлексивной саморегуляции» Гидденс близок концептам З. Фрейда, М. Эриксона и Э. Гоффмана. Рефлексивная саморегуляция – это общая характеристика действующих акторов, представляющая собою рациональный динамический процесс, который выражается в нарастающей компетентности акторов и способности управлять «дискурсивной практикой» и «практическими действиями» в условиях общего «настоящего». Это и есть предпосылка возможности «уловить» структуру, а также условие для создания структуры [5, с. 107-109].

Для «правил» и «ресурсов» Гидденс создает различную коннотацию. Правила – это процедуры, создаваемые и используемые акторами в различных социальных ситуациях. Структурные правила могут воспроизводиться членами общества или меняться путем создания новых образцов правил в ходе интеракций. Иногда интерпретации этих правил могут оформляться в виде законов, кодексов, инструкций и т. п. Акторы в понимании происходящего неоднозначны, каждый из них поддерживает собственные методы и технологии действий. Будучи частью познавательных способностей акторов, правила помогают сделать выбор при принятии решений и найти ориентиры в практической деятельности.

Ресурсы, как и правила, также возникают только в результате человеческой деятельности. Властные или локализованные ресурсы (полезные ископаемые, земля, инструменты производства и товары) становятся инструментами, используемыми акторами для достижения желаемого: получения благ, услуг, карьеры и т. д. По Гидденсу, эти ресурсы не существуют вне человеческой активности. Так, земля не является ресурсом до тех пор, пока ее кто-то не обрабатывает. Властные (нематериальные ресурсы) проявляются в способности одних индивидов доминировать над другими, заставляя их выполнять свои желания, и в этом смысле люди становятся ресурсами, которые могут быть использованы другими людьми. Властные ресурсы могут существовать лишь в том случае, если они воспроизводятся в процессе человеческой интеракции. Власть не является чем-то, что человек имеет, до тех пор, пока он ею действительно не пользуется.

Ресурсы и правила составляют реальную базу для социальной интеграции, создаваемой в контексте интерактивного взаимодействия, в котором при условии рефлексивного признания используются практические знания «рутинизации» или «регионализации».

Рутинизация форм деятельности акторов есть ни что иное как повторение и типизация социальных практик, помогающая справиться с «критическими ситуациями» при формировании в памяти «отпечатков» деятельности. Если обычный установленный порядок нарушается, то такая ситуация приводит к беспокойству и разрушению «безопасности» и «ожидаемой структуры». Особенности рутинных действий и человеческого тела, движения тела и коммуникации, а также особенности жизненного цикла становятся единым целым. Благодаря рутинизации такая целостность связывается с жизненными планами и целями.

Природу действия необходимо понимать, считает Гидденс, на основании знания подлинных внутренних побуждений самого действия, его структуры, которая является не только «принуждающим», но и «внутренним» фактором, дающим индивиду определенные возможности. Сама сущность действия понимается Гидденсом как

целостный и непрерывный процесс мышления и поведения. Каждое действие имеет собственную структуру, дающую выполняющему его индивиду определенный веер возможностей. Любой поведенческий акт создает условия для последующей деятельности социальных агентов. Поэтому как с объективной, так и с субъективной стороны действие и структура образуют неразрывное единство. Таким образом, общество представлено в теории Гидденса как процесс воспроизводства социальных систем через совокупность практик, взаимодействие структур и действий в определенном пространственно-временном континууме. Структура оформляет действие, а действие создает и воспроизводит структуру.

Рутинизация находится в единой связке с регионолизацией, которая имеет дело с взаимодействием в пространстве и времени, «ситуативным позиционированием проблем». Место «относится к использованию пространства, для обеспечения множества интерактивных сценариев». Это может быть комната, угол, фабрика, цех, город, территория, занятая государством и др.

Типичная особенность заключается в том, что точки событий обычно находятся в месте, внутренне разделенном на отдельные области, имеющие строгие территориальные границы. Но «регионализация» это не только локализованное пространство, но также множество социальных практик, заполняемых рутинной. Если рутинизация является продолжением структуры во времени, то «регионализация» представляет собою структурное расширение места. Оба элемента являются внутренними элементами дуальной структуры.

Исходя из целей и задач теории структуризации, Гидденс артикулирует особенности дуальных структур.

1. Структура – это ряд постоянных, повторяющихся и хорошо организованных «правил» или «ресурсов».
2. Структура отличается отсутствием субъекта.
3. Структура существует вне времени и пространства, она представляется в виде «отпечатков» памяти и набора координирующих ролей [5, с. 68].
4. Структурные особенности социальных систем в практике это не только «посредничество», но также и «результат».

5. Для индивида структура не является чем-то «внешним», она отражается в вариантах социальной практики, которые являются «внутренними» мотивами деятельности человека.

6. Структура не является тем же самым, что ограничения, у нее есть границы и инициатива.

Таким образом, британский социолог приходит к выводу о двойственном характере структур. Структура определяется своими внутренними элементами, с одной стороны, и действиями индивидов и групп – с другой. Она включает: правила и ресурсы, неоднократно отражаемые в системе социального воспроизводства; структурные принципы, принцип общественной организации в целом; структуру социальных систем, связывавших учреждения, вовлеченные в ресурсы и правила; структурные свойства: институциональные особенности социальных систем во времени и пространстве [5, с. 21-23].

Хотя Гидденс против микро- и макроразличий в социологии, но в каждом обществе есть действительно сферы микро- и макро- уровней [5, с. 209]. Рефлексивная саморегуляция действует на микроуровне, человек может управлять и регулировать отношения с ограниченным числом людей, в ограниченном пространстве и в ограниченное время. Таким образом, система – это то, как производится, используется в широком географическом диапазоне и осуществляется непрерывность поколений [5, с. 199]. Люди создают и поддерживают контексты, но вопрос в том, как его понимают и исследуют другие, и как общество достигает консенсуса. Вопрос остается открытым.

Гидденс полагает, что определение структур является полезным инструментом для анализа главных особенностей определенного институционального порядка. Структура обращается к виртуальному порядку, находящемуся вне пространства-времени. Анализ структурных принципов является анализом институциональной ассоциации и институционального дифференцирования из «самых далеко отстоящих» пространственных и временных измерений.

Теория Гидденса имеет много общего с теорией П. Бурдьё, в которой центральное место занимает понятие габитуса – постоянной, потенциально конвертируемой системы склонности к определенному поведению и имеющей собственную структуру [2]. Одно из многочисленных определений габитуса состоит в том, что он порождает разнообразные практики, входящие в арсенал того или иного социального агента. Как отмечает А. И. Ашкерев, «исследовать габитус – значит понять само теоретическое исследование практики как практическое исследование» [1, с. 180]. Таким образом, габитус выступает как практика и репрезентация создания и организации принципов деятельности.

Произведенные и организованные габитусом практики и репрезентативные действия могут быть объективно адаптированы к намерению индивидов, но без осознания целей и программы достижения этих целей. Очевидно, что эти практики и репрезентативные действия объективно приспосабливаются к конкретным ситуациям в соответствии с правилами, но в результате не имеют ни правил, ни границ. Габитус определяет способ превращения прошлых результатов в цели и будущие прогнозы. Прогноз, в свою очередь, является установленной практикой привычкой, основывающейся на прошлом опыте, особую ценность в котором играет первоначальный опыт.

Габитус является продуктом истории. Согласно исторически созданным «рисункам», он приводит к личному и коллективному опыту, а поэтому является исторической практикой. Он гарантирует активное присутствие прошлого опыта в формах восприятия, размышления и поведения, которые сохраняются в каждом человеке. По сравнению с различными формами правил и норм габитус может более достоверно гарантировать

последовательность практики. Вместе со структурой, которая его производит, габитус определяет поведение и мышление.

Габитус поддерживает жизненность и эффективность социальной системы, избавляя ее от неэффективности и истощения. Состояние габитуса группы или класса вытекает из условий жизни; ведущие практики могут объективно конвертироваться без стратегических соображений или осознанной ссылки на частности, определенные условия и т. д. И поэтому без прямого влияния друг на друга, особенно в отсутствие любых явных переговоров, они могут приспособиться друг к другу. Формы взаимодействия зависят от объективных структур, сами же объективные структуры создают потенциальные поведенческие тенденции, благодаря предопределенному относительному положению акторов в интеракциях.

Можно сказать, что «габитус» П. Бурдьё и «рутинизация» Э. Гидденса очень похожи. Оба механизма производятся акторами в повседневной социальной практике, временны и историчны как «отпечаток», сохраненный в человеческой памяти. И Гидденс, и Бурдьё подчеркивают важность «первого опыта», влияющего на сознание и поведение; габитус, как и рутинизация, являются естественной реакцией людей на ситуацию, с которой приходится сталкиваться авторам. Это механизмы, поддерживающие безопасность человека.

Различие указанных понятий в том, что для Гидденса рутинизация, как механизм для поддержания безопасности людей, ограничена в практических действиях на микроуровне отдельной ситуацией; а Бурдьё связывает габитусом и учреждения, подчеркивая важность их эффективного воздействия на учреждения.

Но в целом социальные практики, выявленные в теориях Гидденса и Бурдьё, характеризует размытость понятий, особенно относительно практик тела. Они множатся, расширяют границы и оказываются склонностью к повторению навязанных действий.

Итак, можно сделать вывод, что теория структуриации Гидденса полностью охватывает события микроуровня системы, но при объяснении событий на макроуровне данный анализ оказывается неудовлетворительным. И чем сложнее проблемы, находящиеся между двумя уровнями, или приближающиеся к макроуровню, тем уклончивее ответы при их решении.

Литература

1. Ашкерова А. Ю. Бурдьё и его чувство практики // Социологический журнал, 2003. № 1. С. 180-186.
2. Бурдьё П. Практический смысл. М., СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Бурсевич В. В. О границах понятия «практика» в социологии П. Бурдьё // В мире научных открытий, 2009. № 5. С. 144-146.
4. Вершинина И. А. Формирование теории структуриации Энтони Гидденса // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 103-118.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
6. Гредновская Е. В. Проблема телесной свободы и дерминированности в концепции габитуса П. Бурдьё // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2009. № 9 (142). С. 120-124.
7. Квасова И. И. Социальные практики и человеческий опыт (дискурс П. Бурдьё) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2009. № 2. С. 5-12.
8. Керимова Л. М., Керимов Т. Х. Теория структуриации Э. Гидденса: методологические аспекты // Социологические исследования, 1997. № 3. С. 39-40.
9. Кимелев Ю. А., Полякова Н. Д. Теория общества Энтони Гидденса // Современные социологические теории общества / Под ред. Н. Л. Поляковой. М.: ИНИОН, 1996. С. 33-57.
10. Кылышбаева Б. Н. Проблематика индентичности в теории структуриации Э. Гидденса // Известия ВУЗов Кыргызстана, 2010. № 3. С. 142-145.
11. Миклина Л. И. Теоретико-методологические подходы к исследованию интеграции общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2014. № 6-1. С. 104-106.
12. Назарчук А. В. Микросоциологический подход к исследованиям повседневной коммуникации в англо-американской социологии // Вопросы гуманитарных наук. 2011. № 2 (52). С. 119-130.
13. Скобелина Н. А. Общественные движения как социальные практики // Социально-гуманитарные знания, 2009. № 4. С. 125-135.
14. Шмельков А. В. Города как регионализированные социальные практики // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. Т. VIII. № 4. С. 33-40.